

*Как и все остальное,
посвящается Майку*

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Флора не искала кольцо, когда нашла его. Она копалась в старом шкафу для бумаг в гараже, искала фотографию, сделанную тем летом, когда Руби было пять, тринадцать лет назад. Долгие это были годы? Или пролетели незаметно? И то, и другое, как посмотреть. Флора проснулась с мыслями о фотографии, она знала, что та наверняка где-то в доме. Фотография переехала с дверцы уродливого коричневого холодильника в Гринвич-Вилледж на дверцу еще более уродливого коричневого холодильника в Лос-Анджелесе («Как получилось, что два человека на противоположных побережьях, в чьих домах нам в итоге приходится жить, выбрали коричневые холодильники?» — спрашивала она Джулиана), пока уродливый холодильник номер два однажды августовским утром не испустил дух, и они не заменили его новым, который был покрасивее, из нержавеющей стали, и магниты на нем не держались. Флора перевесила фотографию на доску на маленькой застекленной солнечной веранде, которую они звали «кабинетом»,

но края снимка начали загибаться, и тогда она убрала его в ящик, подальше от безжалостного времени и неусыпного внимания калифорнийского солнца. Пару лет назад она разобрала ящик — как раз после того, как получила роль Леоны, игривой львицы в мультсериале «Гриффит», и «кабинет» превратился в «студию», место, где она могла при желании записывать озвучку дома. Куда она убрала все из ящика? Она бы никогда не выбросила фотографию, тем более эту.

— У нас разве уже нет кучи подарков для Руби? — спросил Джулиан, копаясь в своей прикроватной тумбочке; он хотел помочь, но только устраивал беспорядок. У дочери в тот вечер был выпускной в школе, и Флора хотела вставить фотографию в рамку и подарить ей. Милый сюрприз.

— Тут, наверное, можно много что выбросить, — сказала Флора, глядя на кучи хлама, который Джулиан вынимал из тумбочки и раскладывал по кровати: несколько пар очков для чтения, уже ненужные шнуры для компьютера, пустые пузырьки из-под аспирина, несколько потрепанных сценариев. Он, скорее всего, не обратит внимания на ее слова. За двадцать лет брака все границы были определены, как и все места, где ей позволялось проявлять свою тягу к порядку и куда она научилась не соваться.

— Эй! А вот это Руби пригодится. — Джулиан поднял внушительную пачку евро, свернутую трубочкой и скрепленную резинкой. В конце месяца Руби должна была ехать в Испанию с семьей своего парня, после чего они встретятся с Флорой и Джулианом на севере штата Нью-Йорк, в Стоунеме. В том самом доме

с пропавшей фотографии, сделанной столько лет назад.

— Хорошо бы этим летом повторить тот снимок, — сказала Флора. — Если бы приехали Дэвид и Марго, можно было бы.

Джулиан бросил евро на Флорину сторону кровати, очень собой довольный. Три года назад, стоя перед пунктом обмена валюты в аэропорту Шарль-де-Голль, они спорили, менять ли евро обратно на доллары. Она ясно помнила. В терминале было немилосердно жарко из-за какой-то поломки кондиционера. Они, все трое, были неповоротливы и раздражительны после позволенных себе излишеств — сыр и багеты целыми днями, фуа-гра почти каждый вечер, круассаны, шоколад, вино. Пятнадцатилетняя Руби была не в настроении.

— Почему это я неблагодарная? Я просто сказала, что парижане слишком уж попадают для тех, кто не может наладить кондиционер. Что такого?

Руби всегда плохо переносила жару, с самого детства. Когда она была маленькой, лето в Гринвич-Вилледж превращалось в кошмар. Руби ноет, хочет уйти с площадки, отказывается надевать панамку, ее бледные щеки краснеют, между плотненькими бедрами появляется зудящая сыпь.

— Можно на будущий год мы поедем в июле на пляж? Ну пожалуйста! Куда-нибудь, где есть кондиционер, куда-нибудь, где одежда не будет насквозь пропотевать к полудню? — Она подняла руку и сердито ткнула в пятно от пота под мышкой. — Блузке конец, мам. Она совсем новая, в Лос-Анджелесе такой силуэт не найдешь, и ей конец!

— Ладно, ладно, — Джулиан примирительно положил Руби руку на плечо. — Давайте поищем что-нибудь холодное попить.

В тот момент он подмигнул Флоре, дал знак, что они на одной стороне. Они оба слышали, насколько Руби повторяет за Марго. «Силуэт», «попахивают» — эти слова не из лексикона Руби.

То, что Руби любила — боготворила — лучшую подругу Флоры, было хорошо. И ничего удивительного в том, что Марго, у которой не было детей, и Руби, единственный ребенок, были не разлей вода. Испорченная блузка была подарком Марго, купили они ее в Шестом арондисмане, в маленьком бутике, в который Флора в жизни бы не зашла. Слишком дорогой. Слишком пугающий. У них с Марго накануне вечером был неприятный разговор за ужином в крошечном бистро, где все, похоже, немножко слишком напились и немножко слишком расшумелись. Марго и ее муж, Дэвид, забрали Руби на весь день, а потом явились, нагруженные покупками. У Руби горели глаза, настроение было отличное, и она в кои-то веки не жаловалась на жару.

— Слишком много всего, — сказала Флора, пока Руби открывала пакет за пакетом, демонстрируя добычу: очень прозрачную розовую блузку, пару белых гладиаторских сандалий, которые Флоре показались чудовищными, черный шарф от какого-то топового дизайнера, покрытый крохотными черепами, замшевую сумку с бахромой. — Это сейчас модно? — спросила Флора, проведя пальцами по коричневой замше.

— Мам, — ответила Руби. — Ну очевидно же.

Всё было потрясающее. Дорогое. Флора злилась на Руби за то, что та приняла столько подарков, но вместе с тем понимала, какой упрямой может быть Марго, как она размахивает щедростью, как дубиной: «Вот! Возьми это, возьми то, возьми!» Иногда ей бывало просто невозможно противостоять.

— Да ерунда, — отмахнулась Марго от Флоры, запиная пакеты под тесный для их компании столик. — На все были скидки.

Дэвид пожал плечами, милый, сговорчивый Дэвид: все, чего Марго пожелает...

Но Флоре и так уже было не по себе из-за квартиры, которую они сняли. Как всегда, когда они путешествовали с Марго и Дэвидом, основные расходы брала на себя эта парочка; «половина» Флоры и Джулиана — очень разумная сумма, которую Марго назвала в качестве их доли — ни в коем случае не покрывала пятидесяти процентов роскошных, просторных апартаментов возле Люксембургского сада.

— Может, она ее за мили взяла, — сострил Джулиан, когда они распаковывали чемоданы. Марго действительно настаивала, что может оплатить всем билеты на самолет, потому что ей нужно израсходовать мили от авиакомпании.

В тот день, во французском аэропорту, у Флоры не было сил спорить с Джулианом из-за обмена валюты, которой можно было бы заплатить за такси до дома в Лос-Анджелесе или за доставку еды в тот вечер. Она просто хотела покоя. Хотела домой. Хотела вернуть себе внимание дочери, потому что, говоря начистоту, Флора злилась из-за покупок, злилась, что Руби все десять дней ловила каждое слово Марго, подражала

ее жестам, интонациям и даже однажды вечером — в шутку, но была в этом и какая-то точность, нет? — назвала ее *mon autre mère*¹.

Флора спустилась в кухню, налила себе чашку кофе, добавила миндальных сливок, которые Руби убедила ее использовать вместо обычных. («Прости, мам, но в твоём возрасте молочные продукты — это почти яд».)

Выглянула из окна гостиной. Было еще рано, солнце только поднималось, придавая небу влажный синий оттенок, как у Моне, и подсвечивая силуэты небоскребов. Начало июня в Лос-Анджелесе. Июньский сумрак. Густой низкий туман, поднимавшийся с моря, скрывал дома ниже по холму, и район становился похож на зачарованную деревушку из сказки.

Джулиан взял рюкзак и ключи от машины, поцеловал Флору на прощанье. Последние дни съёмок перед летним затишьем. Она так и не привыкла к его длиноватым волосам и внушительным бакенбардам, которые он отрастил для новой роли — нью-йоркского полицейского из 70-х. Конечно же, хорошего полицейского, который тайно собирал материал о коррупции и укрывательстве. Джулиана почти всегда брали на роли хороших, такое у него было лицо. Серил только что продлили, и впервые за все время совместной жизни у них обоих были желанные роли, новые сезоны и почти два месяца отпуска без тревоги о том, что будет с работой до конца года. Джулиан прижал Флору к себе и сказал ей на ухо:

— Тони, Тони, приходи. Что потеряно, найди.

¹ Моя вторая мама (фр.). (Здесь и далее прим. ред.)

Старая молитва святому Антонию, которую во весь голос читала ее мать, когда что-то терялось. Как будто святой Антоний жил в квартире наверху и его можно было позвать, чтобы спустился и поискал ее очки для чтения или неизвестно куда засунутую перчатку.

Джулиан дразнил Флору, и, хотя она больше не молилась ни святому Антонию, ни кому-либо еще, у нее были свои суеверные ритуалы касательно пропавших вещей. Один — потереть большим пальцем материнское обручальное кольцо, скромный ободок из белого золота, который она носила на правой руке с тех пор, как мать умерла. Так она сделала и сейчас. Маленький успокаивающий жест.

Где же та фотография? И вдруг — вспышка, догадка. Когда в кабинете устраивали звукозаписывающий уголок, она перенесла стопку папок и бумаг из дома в гараж — в картотечный шкаф, который у них был с тех пор, как она носила Руби. Они нашли его на 33-й улице на Манхэттене, когда там было полно магазинов конторского оборудования, а они, как предполагалось, подбирали мебель в детскую.

— Идеально, — сказал Джулиан, стоя перед блестящим белым шкафом для бумаг.

— Для детской?

— По крайней мере, он белый.

Флора уперлась. У них уже были отданная кем-то кровать и пеленальный столик, и ей хотелось купить что-то новое в крошечную комнатунку, где планировалось устроить детскую Руби. Она хотела качалку, или книжную полку, или коробку для игрушек; казалось неправильным ставить в угол детской комнаты шкаф для картотеки. Это было в самом начале двух-

тысячных, еще до того, как обстановка детской стала считаться воплощением хорошего вкуса и умственной стойкости всей семьи, до скандинавских потолочных мобилей и настенных росписей, изображающих зачарованные леса, до тщательно подобранных книжных полок и маленьких квадратных светильников, которые по ночам отбрасывают на стену солнце, луну и звезды.

Но картотечный шкаф был им нужен, он был практичен и, ей пришлось это признать, стоил своих денег. Он был важной частью «детской» Руби, его постоянно использовали. Флора и Джулиан перевезли шкаф из уютной квартирки в Вест-Вилледж в первый съемный дом в Лос-Анджелесе, где он, казалось, уменьшился в размерах, когда попал в более просторное помещение. Когда они купили дом в Лос-Фелиз, небувиваемый шкаф сослали в гараж, который никому не был нужен под машину, потому что снега не было, да и дождь шел всего пару раз за последние несколько лет.

Картотечный шкаф стал компромиссом начальной стадии брака между стремлением Джулиана обрастать бараклом и любовью Флоры к расхламлению. Джулиан называл содержимое шкафа «архивом» — и шутил лишь отчасти. Он как-то признался Флоре, что еще мальчишкой начал сохранять и составлять списки своего имущества, поскольку думал, что однажды станет знаменитым. Ее это признание не удивило; она в юности предавалась тем же фантазиям — что вырастет и станет актрисой, а это ей, маленькой, представлялось гарантией некоторой славы, но при этом Флоре никогда не приходило в голову и в самом деле начать готовиться к тому, что историю ее жизни будут рассказывать.

Как-то раз она набралась уверенности и рассказала о своей мечте матери, пока они вместе мыли посуду. Джозефина только рассмеялась.

— Каждая девочка думает, что станет звездой.

Флора ей не поверила. Не могло же так быть, что *каждая* девочка думала, что станет — или пусть даже хотела бы стать — знаменитой. Минни Дулин, с ее вечным насморком и сползающими гольфами? Розмари Кастелло, которую в четвертом классе отчитала при всех сестра Деметриус за то, что та подкладывает салфетки в лифчик (она взяла цветной «Клинекс», который просвечивал через белую школьную блузку)? Нет, Флора не повелась.

То, что Джозефина думала, что станет знаменитой сама, было не только понятно, но и стало частью семейного фольклора, эту историю о своей молодости Джозефина рассказывала чаще всего. Прослушивания, агент по кастингу, который пришел от нее в восторг и хотел, чтобы она прилетела в Лос-Анджелес. «Из меня хотели сделать новую Элизабет Тейлор». Годы, когда она — безуспешно — продолжала прослушиваться для бродвейских шоу, для рекламы на радио и телевидении, были тщательно залакированы. Брак с отцом Флоры и скорый распад этих отношений. Квартира, в которой Флора выросла, служила храмом недолгой карьеры матери в театре. Тот, кто переступал порог маленькой квартирки с двумя спальнями над пекарней в Бей-Ридж, никогда бы не сказал, что Джозефина работала актрисой всего четыре года, а еще тридцать пять — телефонисткой в отеле.

— Ладно, мисс Богатая и Знаменитая, поработай-ка еще над этим, — сказала мать Флоры, протянув ей ка-

стрюлю для спагетти с медным дном. — Здесь нужно особое средство. Доведи до блеска, чтобы отражение свое видеть.

Вспомнив всё это, Флора задумалась, всегда ли так получалось: мальчики, которые хотели стать знаменитыми, начинали составлять тщательное и точное описание своей жизни — архив! — а девочкам предлагалось использовать разные чистящие средства для одной кастрюли.

Флора терпеть не могла гараж, который за годы не раз облюбовывали крысы; она пыталась сделать вид, что его вообще не существует. Она провела с собой небольшую подготовительную беседу о грызунах и их ночном образе жизни, собралась с духом и направилась в отдельно стоящую постройку в конце подъездной дорожки. Обеими руками подняла тяжелую дверь, помедлила, прислушиваясь, нет ли кого живого. Когда они только въехали в этот дом, весь двор кишел крысами. Старушка, которая жила здесь несколько десятилетий, под конец слишком ослабела, чтобы поддерживать порядок. До того как они купили дом, Флора все время ходила мимо него во время утренних прогулок. Он казался домиком из сказки братьев Гримм: вроде как в тюдоровском стиле, весь в фахверке, с большой бульжной дымовой трубой и витражами. Скромный дом как раз подходил им троим, но Флора влюбилась в его немислимый двор. Два раскидистых эвкалипта, посаженных задолго до того, как был построен дом, стояли по обе стороны маленького патио. На краю лужайки была самая прекрасная фруктовая рощица из тех, что она видела в своей жизни: инжир, лимоны,

мандарины, грейпфрут. Все это походило на цветную картинку из Библии с изображением Эдемского сада. Когда она впервые увидела этот двор, у нее перехватило дыхание. И до сих пор перехватывало. Ей так и казалось, что она забрела в чью-то чужую жизнь, когда она выходила из дома и вдыхала колючий утренний воздух, благоухавший эвкалиптом, видела, как ныряют в цветущую бугенвиллею колибри, а крошечные желтые чижики клюют семена дикого розмарина.

И крысы, да. Фрукты давали обильный круглогодичный источник пищи всем окрестным грызунам. Они с Джулианом поставили забор, вычистили дерн, разложили ловушки с приманками, заделали дыры в гараже и в доме, и Флора уже много лет не замечала мелькания бурой шкурки, от которого у нее начинало колотиться сердце. И все-таки ей было беспокойно. Но сегодня все было тихо.

Она прошла к каталожному шкафу и открыла верхний ящик. Он был забит под завязку коричневыми картонными папками, оставшимися от ранних лет «Хорошей компании» в Нью-Йорке. Позволить себе провалиться в эту кроличью нору Флора сегодня не могла, но не удержалась и открыла программку, лежавшую сверху: «Ясон и Медея» — спектакль, который Джулиан и его партнер Бен поставили в заброшенном городском бассейне в Вильямсбурге, переложение «Медеи» Еврипида в современном Бруклине. На обложке программки рисунок — силуэт женщины, несущей ребенка в окровавленной футболке, кровь была единственным цветовым пятном. Флора всегда ненавидела эту картинку, такую холодную и безжалостную. Критикам спектакль понравился — ну, независимым кри-

тикам, из *Voice* и *Time Out*. Однако билетов никто не покупал.

— Пьеса такая печальная, — как-то вечером сказала Флора расстроенному Джулиану.

— Жизнь вообще печальна, — огрызнулся он.

Во втором ящике лежали книги по театру и драматургии: Станиславский, Хаген, Адлер, Майснер, Страсберг. Джулиан не клялся в верности никакому определенному методу; он был театральным атеистом, с присущими всем атеистам уверенностью и пренебрежением. Он ненавидел идолопоклонство. Верил, что актер должен использовать все, лишь бы работало.

Флора перешла к третьему ящику. Все старые школьные дневники Руби и табели успеваемости. Проекты по искусству, которые Флора сохранила. Она обычно вычищала рюкзак Руби и ее коробку с игрушками, пока та спала, чтобы вынести мусор к обочине в ту же ночь. Если так не сделать, Руби точно открыла бы мусорное ведро, увидела что-то свое — сломанную куклу, рисунок, диктант с оценкой — и взвилась от тоски и негодования. «Ты выбрасываешь мои валентинки? — спросила она как-то утром в июне, когда Флора наконец-то закопалась в ее школьную сумку, пытаюсь навести там какое-то подобие порядка. — И мои конфеты на Валентинов день?» К концу школьного года леденцы-сердечки состояли в основном из пыли, но Руби вела себя так, будто Флора выбрасывала редкие книги и дорогой шоколад.

Флора, как водится, извинялась.

— Лапа, я не нарочно. Хорошо, что ты увидела.

Но Руби была с ней холодна до вечера и еще долго после этого охраняла все свое имущество, она ничего

не забывала. «Где бумажный зонтик, который мне дали в ресторане?», «Что случилось с тем желтым мячиком?», «Что ты сделала с моей шляпой с праздника?» — спрашивала она Флору резким обвиняющим тоном.

В конце концов Флора выдвинула нижний ящик. Подтащила старую табуретку — красную металлическую из ИКЕИ, которую они купили, чтобы трехлетняя Руби могла на нее встать и дотянуться до кухонной столешницы. Краска с нее пооблупилась, она была ободранной, но еще крепкой. Флора села и стала перебирать бумаги. Куча конвертов, ни один не подписан. В одном лежала пачка выцветших квитанций, в другом — стопка открыток из разных художественных музеев и церквей, которые должны были послужить вдохновением для, она точно не помнила, чего — то ли декораций, то ли костюмов.

Под папками нашелся конверт из коричневой бумаги, который Флора узнала. Она вытащила его и увидела на нем надпись своей рукой: «Сохранить». А, точно! Она собрала кучу фотографий и положила их сюда, чтобы сберечь. Открыла конверт, и та, что была ей нужна, оказалась прямо сверху.

Снимок был сделан в обширных владениях Бена на севере штата во время репетиций летней постановки — выездного спектакля «Хорошей компании» на Манхэттене. Бен и Джулиан основали «Хорошую компанию» и управляли ею вместе, но Бен с первых дней заиклился на постановке на открытом воздухе в Стоунеме. Он высказал эту идею как-то поздним апрельским вечером у Флоры и Джулиана в гостинной, за изрядным количеством пива. Классическая пьеса, привязка к месту, всего один спектакль — только один. Ни

билетов, ни критиков. Возможность для всех безработных друзей, у которых не было в августе прослушиваний, выбраться из города, поработать руками, сделать что-то полностью свое. Настоящий общинный театр.

— Не знаю, — сказал Джулиан. — Звучит сурово.

— Если не работает, значит, не работает. Попробовать-то стоит, а?

То, что в первое лето начиналось в Стоунеме ради шутки, ради эксперимента, быстро превратилось в твердокаменную ежегодную традицию.

В тот год, когда была сделана фотография, один из актеров задокументировал всю безумную неделю. Чарли был здоровенным, как медведь, застенчивым, и камера на шее явно служила ему щитом против неловкости вне сцены. Как-то вечером, когда Флора и Марго сидели на ступеньках веранды, лущили кукурузу для ежевечернего «семейного ужина», Чарли притащил с лужайки Джулиана и Дэвида, пригнал Руби, которая носилась с кухонным полотенцем на голове, изображая принцессу, и попытался рассадить их на ступеньках.

Флора и Джулиан сели на верхнюю, Марго и Дэвид чуть ниже. Едва Флора усадила Руби рядом с собой, та вывернулась и взгромодилась на колени Марго. Помешательство Руби на Марго началось как раз тем летом. Она повсюду ходила за Марго, как утенок за приемной матерью. Марго виновато оглянулась на Флору.

— Все хорошо, — сказала Флора, хотя хорошо не было.

Джулиан придвинулся к Флоре поближе, поцеловал ее голое плечо, продел руку под ее локоть.

— Эй, — Флора потянулась поверх плеча Марго и похлопала Руби по руке, решив попытаться еще раз, — не хочешь сесть маме на колени?

Руби покачала головой, нет, но нехотя взяла Флору за руку. Чарли возился с объективом, Руби ерзала, и Флора стала считать ее пальцы, приговаривая:

— Этот поросенок пошел на рынок, этот поросенок пошел домой...

— Нет, мама! — сказала Руби, но все-таки рассмеялась. — Это для пальцев на ногах.

— Так, — наконец сказал Чарли, — все посмотрели на меня.

И удивительное дело, все посмотрели.

Флора и Джулиан склонили друг к другу головы, улыбаясь прямо в камеру. Дэвид на нижней ступеньке чуть подался вперед, осознанная сутулость очень высокого мужчины, руки хирурга он сцепил перед собой, а сам полуобернулся к Марго, загорелой, белокурой и блистательной, которая сомкнула пальцы на круглом, как у Будды, животе Руби, положила подбородок ей на голову и ослепительно улыбалась в камеру. Ноги Руби с грязноватыми коленками переплелись с более длинными ногами Марго. Кудри торчали во все стороны. Она застенчиво улыбалась, оттягивая пальцем уголок рта, другая рука была поднята и твердо вложена в руку Флоры, как провод между матерью и Марго.

Они казались одним целым — такие спокойные, милые и молодые. Семья.

Флора положила фотографию в карман кофты и помедлила, наслаждаясь своим триумфом, — потому что именно это Флора всегда и делала. В разделении эмо-

ционального и прочего труда, которым был их брак, Флоре досталась роль того, кто находит пропажи. Домашний святой Антоний. Предметом ее гордости (и источником раздражения для Джулиана) было то, что, когда он заявлял, что что-то безвозвратно пропало, она обычно могла найти это за пару минут, следуя запутанными путями беспорядочного ума Джулиана и вычисляя его шаги в реальности. Разве не так через какое-то время начинают работать все пары? Видеть контуры чьего-то мышления настолько легче, чем свои собственные?

Она принялась убирать папки, конверты, записные книжки и ручки обратно в ящик и решила быстренько кое-что выкинуть, пока Джулиан не стоит над ней с возражениями, веля оставить все как есть, пока он сам не посмотрит — что почти никогда не случалось. Это было еще одно поле ее компетенции: сводить их жизнь к необходимому, назначая себя судьей и присяжными над обломками их прошлого, решающим, что останется, а чему придется уйти. Они были так сентиментальны, ее муж и дочь.

Флора быстро пролистала по большей части пустые записные книжки. В загадочных каракулях больше не могло быть никакого смысла. Мусор. Попробовала все маркеры, половина засохла. Взяла один из тех, что писал, и надела конверты, чтобы в общих чертах было понятно, что в них («Открытки», «Семейные фотографии», «Программки»). Вытащила из самой глубины ящика коричневый конверт, затвердевший от старости, и из него выпало что-то блестящее и яркое, золотом сверкнувшее на потрескавшемся бетонном полу. Кольцо.

Кольцо?

Флора сразу узнала обручальное кольцо Джулиана — одно из его обручальных колец. К ее печали, он их вечно терял. Сколько уже? По крайней мере три. Кольца почти всегда пропадали на съемках или в театре, потому что ему приходилось их снимать, когда кольцо не вязалось с ролью, и еще потому, что Джулиан был таким рассеянным. Флора надела кольцо на большой палец. Запасное не помешает, потому что в конце концов он потеряет и то, которое носит сейчас.

Вернувшись в кухню, Флора сняла кольцо, чтобы получше его рассмотреть, и кое-что заметила: на нем была гравировка. Единственным кольцом, на котором они делали гравировку, было первое, потому что потом на это вечно не хватало времени. Значит, она держала в руках самое первое обручальное кольцо Джулиана.

В глубине живота у нее медленно разлился холодок. Мозгу потребовалось несколько секунд, чтобы уловить понимание, расплывшееся по телу. Джулиан потерял кольцо, которое было у нее в руках, тем летом, когда была сделана фотография. Как-то днем пришел к ней, такой сконфуженный. Пошел купаться в пруду, и кольцо соскользнуло в солоноватой воде.

— Ну что ж, — сказала Флора. — Надо будет купить новое.

Она не хотела, чтобы ему стало еще хуже, поэтому не стала показывать, как расстроилась из-за того, что он потерял кольцо. У нее внутри все оборвалось. Ей нравилось то кольцо, слишком дорогое, но такое красивое. Оно было широким и плоским, а по нижнему и верхнему краю шла полосочка из крохотных шар-

ков — зернь. Когда Флора в день свадьбы надела кольцо на палец Джулиана и подняла глаза на него, на его прекрасное лицо, она подумала: мой.

И на тебе. Кольцо было у Флоры на ладони. Оно лежало в конверте в глубине каталожного шкафа в гараже.

Теперь Флора взмокла уже по-другому, ее прошиб холодный пот, несмотря на физические усилия и поднимающееся солнце. Она вдруг ощутила острое желание позвонить матери, которой уже больше десяти лет не было в живых. Она почти чувствовала присутствие матери рядом, видела, как та, привычно нахмурившись, смотрит на кольцо, и слышала ее громкий обеспокоенный голос: «Флора? Да что ж это такое, бога ради?»

ГЛАВА ВТОРАЯ

Пока девушка (как ее, Мора? Молли?) брала у Марго интервью, какой-то совершенно незнакомый человек, сидевший у противоположной стены кафе, снимал ее на свой телефон. Некоторые пытались сделать фото украдкой, но у них редко получалось, потому что, во-первых, все было до боли понятно, — горбились, держали телефон под неудобным углом, вели себя подчеркнуто осторожно, как собирающийся что-то натворить подросток, — во-вторых, Марго, как почти все ее узнаваемые знакомые, шестым чувством улавливала, что ее заметили, даже если заметивший стоял в очереди у нее за спиной, или на тротуаре перед рестораном, или на другой стороне улицы. Некоторые актеры говорили, что ощущают при этом покалывание в затылке или в кончиках пальцев ног. Некоторые, знала Марго, радовались (Меня заметили! Я существую!), несмотря на жалобы. Интуиция Марго проявлялась в виде необъяснимой печали. Она могла покупать продукты, обедать в ресторане, гулять с дру-

гом, как вдруг ощущала волну уныния и думала: ну что еще?

Дело всегда было в камере. Всегда. А теперь, когда камера была почти у всех в руках, наблюдение, казалось, не прекращалось никогда, с экзистенциальной тоской приходилось сражаться ежедневно.

Что за жизнь пошла... Кто-то хочет сфотографировать ее обычным утром в среду, со стаканом лимонной воды, в маленьком кафе в Ларчмонте. Мест, где Марго чувствовала себя в безопасности, невидимкой, становилось все меньше и меньше, а это кафе было таким почти все те годы, что она жила в Лос-Анджелесе. Одной из причин, по которой они с Дэвидом избегали Вестсайда — Беверли-Хиллз, Пэлисейдса, Санта-Моники, — было то, что их район, в отличие от них, не казался Голливудом. И хотя автобусы *TMZ*¹, полные туристов, ее не беспокоили (пока), недавно появившееся постоянное вмешательство действовало на нервы.

— Это, наверное, так раздражает, — сказала девушка, заметив, что Марго передвинула стул, чтобы отвернуться от человека, щелкавшего ее телефоном.

Как и на всех других интервью, Марго пропустила то, что хотела сказать («Не больше, чем необходимость разговаривать с вами!»), через фильтр самосохранения, и выдала самый пресный ответ:

— Конечно, иногда это удручает, но это издержки места, и, знаете, мне повезло, что кому-то есть до меня дело.

Легкий смешок, застенчиво склонить голову.

¹ Экскурсионные автобусы, объезжающие дома голливудских звезд и показывающие их туристам.

Парень с телефоном пересел так, чтобы она была к нему лицом. Что он собирается делать со всеми этими фотографиями? Отправить их кому-нибудь? Куда-то запостить? Алтарь оборудовать? Или что-то еще более извращенное?

Что за жизнь такая?

Марго встречалась с прессой, потому что была одной из актрис, с самого начала игравших в «Кедре» — больничной драме для кабельного канала, которая как раз завершала девятый сезон. Она играла доктора Кэтрин Ньюэлл — доктора Кэт, — которая, как значилось в списке прослушивания многие годы назад, была «педиатром-онкологом, ведущим войну против рака и жаждущим любви». Контракт Марго должны были продлить, и на этот раз — на этот, черт его возьми, раз! — она собиралась настоять на том, чтобы ее гонорар уравнили с гонорарами партнеров: например, Чарльза Перси, он же доктор Лэнгфорд Уокер, который пришел в сериал двумя годами позже Марго, но все-таки зарабатывал больше, чем она. Чарльз возглавлял хирургическое отделение в вымышленной центральной больнице Кедр, вымышленного городка на северо-западе. Чарльз начинал, еще когда Бесс, создательница сериала, уделяла ему все свое внимание и любовь, когда она звала сериал своей «деточкой», до того, как родила деточку настоящую. Да, все это было до того, как Бесс принялась строить империю спин-оффов «Кедра»: «Иву», драму о медицинских экспертах, которые помогают расследовать преступления, и «Кипарис», в котором речь шла об отделении травматологии в главной больнице города.

— «Кедр» — все равно мой первенец, — говаривала Бесс в первый день нового сезона, когда являлась произнести вдохновляющую речь перед группой. — Физически меня может тут постоянно и не быть, но душой я всегда здесь, и — у меня куча шпионов.

Эта реплика всегда вызывала смех у новичков и внутренний стон у ветеранов, потому что шпионы у нее действительно были.

— Чарльз — просто находка, — взволнованно сказала Бесс Марго, когда он подписал контракт. — Только что с Бродвея. Номинировался на «Тони».

Марго поборола желание напомнить Бесс, что два года назад она была номинирована на премию «Драма Деск»¹ и успешно играла в Вест-Энде. У Бесс память была как у воробья, она могла удержать в голове лишь то, что ей нужно было в данный момент. К тому же Марго по-настоящему обрадовалась возможности поработать с Чарльзом. Их пути пересекались в Нью-Йорке, и однажды они работали вместе на гастролях в театре Гатри. Чарльз ей нравился, и сериалу он придал веса. Она была рада, что он станет ее телевизионным возлюбленным. Ей просто хотелось получать столько же, сколько получал он.

— Самое время надавить, — сказала Марго на прошлой неделе своему менеджеру, Донне.

После нескольких лет посредственных сюжетных коллизий прошлый сезон стал для Марго прорывным. Доктор Кэт и доктор Уокер осуществили свою много-сезонную мечту завести ребенка — близнецы, от сур-

¹ «Драма Деск» (Drama Desk Award) — американская театральная премия, вручаемая с 1955 года.

рогатной матери, — и Бесс написала доктору Кэт послеродовую депрессию без родов.

— А так бывает? — спросила Марго.

— Бывает, у меня была, — серьезно ответила Бесс. Ну разумеется.

По причинам, которых Марго до конца не понимала, сюжетные арки доктора Кэт обычно отражали события в реальной жизни Бесс. Когда Бесс влюбилась, влюбилась и доктор Кэт. Когда Бесс не смогла забеременеть, доктор Кэт тоже не смогла. Значит, если у Бесс была послеродовая депрессия без родов — что ж, Марго сыграет так, что небу станет жарко, хоть и беременна никогда не была, и детей у нее не было, и она ни секунды не жалела ни о том, ни о другом.

— Надо тебя вытаскивать, Марго. Доказать Бесс, что доктор Кэт по-прежнему много значит для зрителей, а потом ставить условия. Номинация на «Эмми» была бы чертовски кстати, — печально сказала Донна, потому что для актеров «Кедра» всё это было в прошлом.

Те летние месяцы, когда Марго, проезжая по бульвару Сансет, видела на рекламных щитах свое лицо, давно миновали. Сериал шел слишком долго и казался слишком старомодным. Стандартная кабельная продукция.

И вот она сидела на пятом уже интервью, рассказывая о Любимых Моментях Марго — сценах, коллегах, сюжетных ходах, костюмах — в девятом сезоне «Кедра». Ни одна деталь не воспринималась как рядовая, и в стремлении соригинальничать, журналисты начали спрашивать Марго уж совсем о нелепом. Сегодня утром ей пришлось отправить рекламному агенту,

Сильвии, описание одной из своих «любимых вещей» для интервью, которое выйдет бог знает где.

Она выбрала свечу из старой аптеки во Флоренции, всегда привозила такие в подарок, потому что и сами свечи были красивые, и запах ей нравился — не слишком сильный. «Пахнет воскресным утром в Италии, — написала она, — благоухающим ароматами жарящегося кофе, цветущих лимонов и сосновых рош». Она бы могла рассказать о том, как набрела на лавку еще подростком, когда они каждое лето ездили с семьей в Италию, и как свеча напоминала ей волшебные месяцы в итальянской сельской местности... В кои-то веки она получила бы удовольствие от работы. Но тут Сильвия прислала мейл, сообщая, что в статье рассказывалось о любимых вещах всей группы и Келси Кеннен, игравшая ее младшую сестру, недавнее приобретение сериала, которую Марго изо всех сил старалась не возненавидеть, тоже выбрала свечу. «Прости!» Свеча Келси не только доступнее — ты что, правда платишь семьдесят долларов за штуку? — но еще и изготавливается сирийскими беженцами, так что не могла бы Марго выбрать что-то другое? «Было бы здорово, — писала Сильвия, — если бы ты выбрала что-то, связанное с народом, страдающим от войны. Может быть, сумку? Я, конечно, не хочу тебе ничего навязывать».

«Или туфли из моего шкафа?» — написала Марго в ответ.

«ЛОЛ. Нет, серьезно. Может быть, что-нибудь из Боснии?» И это пишет женщина на четвертом десятке, которая тратит сотни долларов в неделю на укладку и не сможет найти Боснию на карте, даже если ей пообещают за это целый ящик свечей по семьдесят долларов.

Обычно для поддержания разговора во время интервью Марго хватало проверенных временем рассказов о том, каково это — играть врача на телевидении, будучи замужем за врачом в реальности. Не слишком забавное совпадение, которое неизменно казалось журналистам увлекательным. Марго давно выучила все вопросы. Она читает мужу сценарии? Он помогает ей репетировать? Он смотрит сериал? Ему нравится? Он его воспринимает всерьез? И все ответы тоже были затвержены наизусть (расширенные версии — нет, нет, да).

Но эта девушка (Миа!) подготовилась, и интервьюером была хорошим, выводила Марго из равновесия, перемежая заказные вопросы по-настоящему интересными. Она раскопала кое-что из старых работ Марго, включая ее первый сериал, который снимался в Нью-Йорке. Тот, где она играла умную и эксцентричную одинокую женщину — ее тоже звали Марго — чуть за тридцать, которая не мечтала о любви, не говоря уже о лекарстве от рака. Сценарист и режиссер были молодые, талантливые, но премьера снятого одной камерой сериала была запланирована на 13 сентября 2001 года — и, конечно, не состоялась. Через несколько недель, когда сериал вышел, никто не обратил на него внимания, и беззаботное изображение Манхэттена показалось неуместным, учитывая, что происходило в мире. Она говорила себе, что именно поэтому «Марго» так плохо приняли даже критики, шумно требовавшие чего-то получше и поумнее стандартной ситкомовской безвкусицы. Заказ был на двенадцать серий, но рейтинги оказались такими провальными, что сериал сняли с эфира после шести. Никто, кроме участ-

ников съемок, не видел последних серий «Марго». Судя по всему, они хранились в Музее телевидения и радио.

— Интересно, каково было переключиться с театра на работу над «Марго», а потом на больничную драму, вроде «Кедра». Как бы хороша она ни была, — сказала Миа (молодая, но продуманная), — она очень отличается от ваших работ в Нью-Йорке.

Как день и ночь, хотелось сказать Марго. Как день и, мать ее, ночь! До того как Марго стала доктором Кэтрин Ньюэлл, у нее была интересная, интеллектуальная и захватывающая работа, а «Кедр» был вечерней мыльной оперой — смешной, нелепой, хорошо оплачиваемой. Она так четко видела описание роли, как будто оно лежало перед ней на столе: «Кэтрин Ньюэлл (доктор Кэт), хорошенькая (как кошечка) и открытая, дети ее обожают, блестящая, но слегка чудаковатая; она не забыла сегодня вымыть голову?»

В основном «Кедр» и вытащил их с Дэвидом из Нью-Йорка, когда им нужно было уехать. Но она не болтала с подружкой. Она давала интервью, и ее работа состояла в том, чтобы быть интересной час или полтора, но не сказать ничего по-настоящему интересного.

Но прежде чем она начала разминать старые мышцы именно этой истории (поднадоело, захотелось другой жизни, Лос-Анджелес манил), Миа заговорила о деле Дженсен и остановила Марго на всем скаку.

— Я знаю, вы переехали сюда отчасти для того, чтобы ваш муж смог открыть клинику по лечению инсульта, но еще мне попадалось что-то о пациентке, которая умерла во время операции. Эбби Дженсен? И я задумалась, не сыграло ли это свою роль в вашем решении уехать из Нью-Йорка.

Не просто продуманная. Ушлая.

— Я понимаю, тема деликатная, — продолжала Миа. — Но я просто подумала, что вы теперь далеко и, возможно, вам захочется поговорить о Дженсенах. Вы поддерживаете с ними связь?

Теперь Марго задумалась, не издевается ли над ней эта девушка, потому что с чего бы им поддерживать связь с Дженсенами?

— Простите, — сказала она, включив мягкий голос, тот, который выработала для сцен, где надо общаться членам семьи, что анализы показали не то, на что они надеялись, — но я думала, это статья обо мне и «Кедре».

Миа оказалась достаточно любезна, чтобы покраснеть.

— Я собирала материал о вашей жизни в Нью-Йорке, и мне показалось, что даты имеют значение.

Марго сидела с безупречно кротким выражением лица и пыталась представить, какой такой «сбор материала» привел эту девушку к делу Дженсен. Клиника сделала все, чтобы это не попало в новости; дело быстро уладили, а семье Дженсен не нужно было такого рода внимание. Соглашение было подписано. Марго смотрела Миа в глаза; она научилась держать паузу, пока та не начинала вызывать неловкость, любимый фокус журналистов с нею никогда, ни разу не срабатывал. Она любого могла перемолчать. Бой даже не был честным. Она не сводила с Миа глаз. Та была хорошенькой, такая, вероятно, среднезападная блондиночка, нос плосковат, щек многовато. Двадцать пять? Двадцать шесть? Без макияжа, но кожа ослепительная. Она ухаживает за кожей, как все молодые, са-

мые талантливые или самые красивые — а часто и то, и другое — в своих городках, которые слетелись в Лос-Анджелес, чтобы обнаружить, что этот город переполнен такими же экземплярами. Тщательная небрежность Миа не обманула Марго; голос понизила, глаза округлились. Она была одета в свою вариацию наряда журналистки из развлекательного издания. Струящееся платье в цветочек, как будто из возобновленной постановки «Маленького домика в прерии», высокие кожаные ботинки на шнурках, длинная свободная коса, куртка-бомбер. Костюм. Марго смотрела на Миа и думала: я тебя знаю.

Подошел официант, Марго задала массу пустых вопросов по поводу меню, чтобы выиграть время, хотя никогда не ела во время интервью. Однажды, много лет назад, она совершила эту ошибку, и репортер нашиговал статью описаниями того, как она отламывала кусочки скона, «как енот». Марго взглянула на часы: почти полдень.

— Не уверена, — сказала она, заговорщически понизив голос и улыбнувшись самой широкой из своих улыбок, — что смогу убедить вас выпить со мной бокал вина. У них тут изумительное «Гави ди Гави».

— «Гави»? — переспросила Миа, играя с тонкой цепочкой на шее, и распахнула глаза. — А что это?

— О, это нечто особенное. Два бокала, — сказала она официанту и, нарушая свое собственное правило, добавила: — И соберите для нас симпатичных антипасти, хорошо?

Она снова повернулась к Миэ.

— Вы знали, что я ребенком проводила лето в Италии?

— Какое же оно дивное, — сказала Миа, поднося к губам второй бокал. Вино развязало ей язык, и теперь Марго задавала ей вопросы о ее работе, ее парне, стремившемся стать актером, ее надеждах и мечтах. — Я бы так хотела съездить в Италию, — призналась она Марго, залпом допив вино.

— Обязательно, — ответила Марго. — И когда соберетесь, я дам вам свой собственный список ресторанов.

И тут же добавила:

— А вы свободны сегодня вечером? Потому что в ArcLight, в Голливуде, премьера этого фильма Клуни, там все происходит в Италии. Я слышала хорошие отзывы. Должна была пойти, но сегодня у меня вечеринка в честь дочери моей лучшей подруги. Я точно смогу внести вас и вашего молодого человека в список, если вам это интересно.

— Вы смеетесь? — Миа слишком резко поставила бокал на стол. — Не знаю, как вас благодарить. Было бы потрясающе. Вы просто невероятно милая.

Задание выполнено. Марго увела разговор в сторону, так и не вооружив Миа для того, чтобы та написала: актриса не хочет обсуждать Дэвида или Дженсенов. Иначе это нежелание зажило бы своей жизнью. Еще какой-нибудь репортер прочитал бы о том, что она не говорит о Дженсенах, а потом еще один, и вскоре где-нибудь вышла бы большая статья, на свет вытащили бы болезненное прошлое — история достаточно сочная даже десять лет спустя, чтобы скормить ее бездонной яме развлекательной прессы.

— Ох ты, — сказала Марго, взглянув на часы. — Уже поздно. Боюсь, мне нужно бежать.

— Черт! — воскликнула Миа, поднимая блокнот. — У меня были еще вопросы.

— Времени только на один.

— Хорошо, — сказала Миа с облегчением, глядя в свои записи. Полистала молескин, остановилась, подняла глаза на Марго и улыбнулась. — Хорошо. Последний вопрос. Вы о чем-нибудь жалеете?

Она произнесла это слово легко, как могут только такие молодые. Марго подавила смех. Сожаления! Она бы и не знала, с чего начать. Вернее, знала: она бы вернулась в то утро, когда у Дэвида был инсульт, когда они еще жили на Восточной 85-й улице. Вот он вышел из душа и зашел в кухню, вот она выбрасывает заплесневевшие ягоды из контейнера с малиной и кладет хорошие в миску. Он обнимает ее за талию.

— Нет, — сказала она девушке. Такой юной. Такой чистенькой. Ни единой поры на лице. — У меня чудесный муж, работа, которую я люблю, прекрасная жизнь. Мне очень повезло.

Стоя на тротуаре после интервью, она задумалась, куда идти. Ей хотелось есть, от вина начинала болеть голова. Можно было пойти домой, но сегодня она устраивала вечеринку в честь выпуска Руби, и дома полно обслуги. Да еще флорист. Надо бы действительно поехать домой и присмотреть за всем, убедиться, что с приготовлениями не переборщат, или Флора — ну, она ничего не скажет, но у нее будет такое лицо, эти поджатые с неодобрением губы, эти напряженные плечи. Она даже не попытается скрыть, что закатила глаза. В последнее время Марго раздражала необходимость по-прежнему притворяться, что она не тратит деньги иначе, чем Флора и Джулиан, потому что

финансовый разрыв в эти годы сократился, у Флоры и Джулиана постоянно была работа.

Флора, много лет озвучивавшая рекламу, получила главную роль в «Гриффите», анимационном сериале, который на самом деле был о Лос-Анджелесе, только героями — голливудскими актерами и прочими — были животные, обитавшие или в Гриффит-парке, или в зоопарке по соседству. После первого сезона сериал получил прекрасные отзывы и был продлен. Марго вчера посмотрела серии, которые пропустила. Флора была фантастически хороша в роли Леоны, львицы, которую заботит то, что она стареет, утрачивает привлекательность, и беспокоит, что теряет голос как вокалистка. Сериал был смешной и мрачный, он предназначался для взрослой аудитории, — клетки зоопарка были идеальным символом того, как актеров рассовывают по ячейкам, — но каким-то чудом сюжетные линии при этом умудрились оставаться милыми и внушать надежду.

Джулиан стал постоянным персонажем в своем полицейском сериале. Наверное, неплохо зарабатывал, и Марго не думала, что он продолжает финансировать «Хорошую компанию». С чего бы? Он там даже не бывал.

Она понимала, что у Флоры и Джулиана устоявшиеся привычки, что у них другие приоритеты, но почему из-за них она должна стесняться, что заказала мини-рулетки с омарами на вечеринку Руби? Чего она на самом деле хотела, так это закатить роскошную вечеринку с морепродуктами, выписать команду из своего любимого ресторана на Кейп-Коде, чтобы они все организовали. Но какое у Флоры сделалось лицо,

когда она описала свой замысел... Столы для пикника, покрытые упаковочной бумагой, еда вывалена по всей длине стола: ракушки, омары, крабы, кукуруза, картошка, миски с расплавленным маслом, все копаются в этом руками. Но это, в конце концов, была вечеринка Руби. В гости она позвала своих друзей и друзей Флоры и Джулиана, поэтому Марго сбавила обороты. Бургеры (с говядиной кобе), хот-доги (вагю), и Флоре придется смириться с мини-рулетами из омаров.

Марго шла медленно, делая вид, что разглядывает витрины — ведь Миа может сидеть в машине, наблюдая, как Марго ведет себя после интервью. Марго годами думала о Дженсенах каждый день, гадала, что у них на завтрак, вернулись ли они на работу и попытаются ли завестить другого ребенка. Она думала о них по праздникам и выходным. Думала, переехали ли они в другой дом — или в другой город. Она всегда ждала, что столкнется с кем-то из них, потому что в Нью-Йорке, похоже, было такое правило: кого сильнее всего хочешь избежать, с тем обязательно столкнешься — но не сталкивалась. Ее подмывало поискать их в интернете, узнать, как они теперь живут, но она боялась открыть какой-то портал во тьму, который их поглотит, боялась открыть путь теням, которые, казалось, немного отступили, когда они переехали в Лос-Анджелес.

Она брела по улице, остановилась возле любимого книжного магазина, зашла в отдел, где стояли книги по искусству и фотографии. Она купила Руби на выпускной навороченную цифровую камеру, потому что Руби любила фотографию; у нее был взгляд художника. Может быть, стоит и книгу купить. Прохаживаясь

вдоль столов, Марго увидела на тротуаре снаружи человека, который следил за ней, разворачивал камеру, проверяя на телефоне, получились ли фотографии. Камеры. От них не сбежать. Она отвернулась от окна, открыла сумочку и нашарила телефон, чтобы написать Флоре. Краем глаза она видела, что бородатый мужчина показывает фотографии в телефоне женщине, а потом тычет пальцем в Марго внутри магазина.

Что за жизнь такая?!